

Алексей Федорчук

Дело было в тундрах Корякщины. Забросились мы на лагуну Аят, это побережье моря имени командора Беринга, прямо напротив посёлка. Ну работали там, как обычно, пресловутую «олистоострому» нашли, которая с тех пор долго поминалась добрым и ласковым русским словом, ибо не олистоостромой она была, а... ох, думаю, и по сей день никто не знает, чем была эта олистоострома. Но это — фрагмент другой истории.

А история, которую я сейчас хочу рассказать, спровоцирована темой Марины Фридман на FB — про рыбу камбалу. Ну так вот, работа у нас вокруг той лагуны... не то что закончилась, ведь приключения не кончаются никогда. А надо было за другую работу браться, потому как сезон не резиновый. А для этого требовалось всего ничего — чтобы вертикальный прилетел в соответствие с полётным заданием, в отделе перевозок оставленным по всей форме.

Точнее, не совсем по всей. Так случилось, что улетели мы в поле до получения официального разрешения на работы. И, соответственно, без бланков полётных заданий, проштапованных должным образом. А печать начального отряда в нашей системе (в отличие от системы Мингео) не полагалась. И потому все спецрейсы оформлялись как перевозки груза с сопровождением, по грузовым накладным. Теоретически никакого крымыналу тут не было, инструкции позволяли. Но практически...

Практически одно дело, когда у начальника отдела перевозок в папке лежат полётные задания на нынешний минус N день. И они ему всё время совесть мозолят — мол, где-то там ребята в тундре сидят, и снимать их надо. А дело совсем другое — когда где-то там, в другой папке, в отделе перевозок лежат заявки на перевозку грузов. О чём, по идее, кто-то из сопровождающих всё время напоминать должен. И, при нормальном раскладе, действительно напоминает — и тогда всё в порядке, при должном контакте это даже быстрее.

Но у нас-то никого в посёлке не было. И напоминать о нас было некому. Вот про то, что надо нас снимать — банально забыли. И виноватых тут нету — у девушек в

перевозках, с которыми мы очень дружили, других делов было выше крыши: то санзадание какое, то где-то там ЧП какое, то делегёты с депутётами на встречу со своими избирателями с тундре должны вылететь...

В общем, сидим мы и ждём вертикального. Да, кстати, и рации, по озвученной выше причине, у нас тоже нету. И харчи заканчиваются. А место какое-то дикое — табуны там не проходят, так что олени нету. Рыбы — тоже нету, потому как речка, в лагуну впадающая, не особо нерестовая. Почему-то и нерпы, которая часто нас выручала, в лагуне нету. И даже птица утка, по прозвищу птеродактиль, над лагуной не летает.

И тут Паша Гладких, которого я много раз вспоминал на этих страницах, нашёл на берегу обрывок японистой краболовной сетки. Ну и чисто на удачу выше на лодочке в лагуну, закинул, и... нет, золотой рыбки ему не подалось. А попалась ему рыба камбала. Вспомнили мы тогда стиш из романа Альфреда Бестера «Человек без лица»:

*Ах ты, камбала,  
Не вобла,  
Смотри в оба!*

И съели мы эту рыбку. А поскольку оказалось, что она в лагуне водится, и других источников белка у нас не осталось, отправились мы с Пашей ловить ещё. Точнее, Паша сетки кидал, а я на вёслах типа динамическое позиционирование обеспечивал. Наловили много. Ну и тоже съели. А потом сделали это регулярным промыслом — за раз налавливали больше, чем могли съесть за три. И тогда Паша придумал способ консервации живой рыбы: выкопал у лагеря что-то вроде садка, выложил его плоскими камнями — и туда всю несъеденную рыбу и складировали. А как кушать хотелось — вылавливали и жарили. Делали это часто — в ожидании вертолёта от лагеря далеко не отойти, а когда идти некуда — только и остаётся, что жрать. И так нам эта рыба камбала «полюбилась», что так и говорили:

*А не пожарить ли нам очередную кам... блядь?*

Скрашивало это дело то, что оставалось у нас насколько бутылок спирта питьевого — его в те годы продавали в гастрономах и супермаркетах северных и восточных посёлков по какой-то смешной цене, типа рублей по шесть (бутылка водки З-62 в З-м поясе стоила без копеек четыре). Ну и каждый приём рыбы кам... не буду лишний раз поминать дам нетяжёлого поведения. Тем более, что мы, истосковавшиеся в тундре геологи, вспоминали о них с нежностью. Почти как у Визбор Иосича:

*И на мрачну тундру глядя  
Тосковали лишь о... дамах  
Дамале ми бьен дима,  
Дама ле ми бьен дам.*

Ну так вот, запасы спирта питьевого были очень не безграничны. И потому, чтобы эта нетяжёлая рыба лучше в горло проскальзывала, после обсуждения и обмена мнениями постановили: разливать каждую бутылку на семь человек на два захода. Ну, «те, кто имеет опыт», представляют, что такое разлить поллитру на семь человек, да ещё в эмалированные кружки, где внешний контроль невозможен в принципе — «тут очень расчёт нужен». А уж на два захода — так вообще мало кому такое проделывать доводилось. И эту почётную обязанность на меня возложили — потому что «один размечает тонко, другой на глазок берёт». А у меня был глаз-алмаз. До сих пор горжусь — никто не оставался обиженным...

Ну а потом пролетал мимо вертолёт — мы его красными ракетами посадили. Оказалось, что шёл он не за нами, а в табун. А про нас просто забыли, потому как грузовая накладная куда-то затерялась. Но спасибо пилотам — они там в посёлке

чисто так по русски объяснили, как это не очень хорошо, так поступать. И через пару дней борт пришёл уже за нами. Но это совсем другая история.